

Грот Е. Чехов о творчестве писателя-беллетриста // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1960. 24 января. № 17111. С. 8.

Чехов о творчестве писателя-беллетриста

Как человек Чехов был воплощением изящества и грации. Лев Толстой, глядя на шедшего по дорожке сада Антона Павловича, однажды сказал: «Ах, какой милый, прекрасный человек: скромный, тихий, точно барышня! И ходит, точно барышня. Просто чудесный».

Горький, вспоминая Чехова, писал: «Хороши у него бывали глаза, когда он смеялся, какие то женски-ласковые и нежно-мягкие. И смех его... был как то особенно хорош... я не знаю, кто бы еще мог смеяться, так скажу, «духовно».

Однако, в чеховской мягкой и грустной усмешке одновременно «чувствовался скептицизм человека, знающего цену слов и мечтаний», но также и «чуткая деликатность».

Чехов, понимая цену и значение слов, хотел также чуткости, деликатности и духовности от собратов по перу. Критиковал он довольно редко, чаще по особой просьбе, но даже и тогда старался сделать это «осторожно, чтобы не дай Бог не обидеть. Убеждения Чехова были тверды, определены и бесстрашны. Он не боялся высказывать их тогда, когда его совесть бывала действительно затронута человеческой несправедливостью и грубостью. Тогда в мягких глазах являлось новое выражение: «эти глаза становились холодными, остры и жестки; в такие минуты его гибкий задумчивый голос звучал тверже, и тогда... казалось, что этот скромный, мягкий человек, если он найдет нужным, может встать против враждебной ему силы крепко, твердо, и не уступит ей». (Из воспоминаний Горького).

Но была в Чехове большая и глубокая жалость к людям, не позволявшая ему обижать там, где можно было быть мягким и деликатным. Поэтому и отвечал он на просьбу о критике посланных ему произведений осторожно. Сначала похвалит, а потом уже укажет недостатки, вернее даст совет, как следует писать, и докажет свою мысль примером.

Изящный и грациозный, хотел он видеть и грацию слова. В этом отношении каждый начинающий писатель может многому научиться, читая указания Чехова. Знакомым писателям, особенно «младшим», искавшим его совета, Чехов говорил о сдержанности, краткости, выразительности и именно о «грации» в творчестве. Боялся он многословия, неискренности, напыщенности и употребления неподходящих слов, всего того, чем грешат неопытные или мало талантливые люди. У каждого автора, утверждал Чехов, есть свой собственный, ему самому свойственный язык. Каждый писатель, да и человек, должен его найти: «Нужно, чтоб каждый человек говорил своим языком», и, конечно, о том, что ему понятно и близко, а не изображал из себя что-то ему самому несвойственное».

Чехов признавал в Горьком большой талант, но дружески указывал ему, тогда еще молодому и многоречивому, на многие погрешности его стиля: он находил в его рассказах неуместное употребление иностранных слов, вроде «флирт» или «чемпион», слова, которые, признавался Чехов, вызвали в нем в данном случае «отвращение».

Видел Чехов и то, что у Горького «нет сдержанности, нет грации. Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это грация. В наших затратах», писал Горькому Чехов, «чувствуется излишество»... Дальше он поясняет это примером: «красочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простотой, такими простыми фразами как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь» и т. д., но не нагромождением сложных и надуманных образов. (Письмо от 3 янв. 1899 г.)

Когда Горький задумал посвятить Чехову «Фому Гордеева», Чехов положительно взмолился о краткости: — «Посвящение делайте без излишних словес, т. е. напишите только: «посвящается такому-то», и будет». Затем Чехов дает пример, который следовало

бы заметить всем еще мало опытным писателям: — «вычеркивайте, где можно, определенные существительных и глаголов... когда я пишу «человек сел на траву», это понятно, потому что ясно». Затем Чехов приводит в письме ту же фразу, но страшно растянутую всевозможными «определениями» и «описаниями» — травы, наружности человека, его движений — и фраза становится расплывчатой, утомительной и скучной. «Это не укладывается в мозг, а беллетристика должна укладываться сразу, в секунду». (Письмо от 3 сентября 1899 г.).

Подобный же совет давал Чехов Куприну, разбирая рассказ «На покосе». — «В первой главе вы заняты описанием наружности... описанием, без которого можно обойтись. Пять определенно изображенных наружностей утомляют внимание и в конце концов теряют свою ценность». Указывает Чехов также и на «грубоватый тон, излишества в изображении пьяных». (Письмо от 1 октября 1902 г.).

Для развития таланта, по убеждению Чехова, писатель должен искать новых тем и впечатлений в столичной жизни, в обществе людей и в путешествиях. Сам он, пока ему позволяло здоровье, бывал в Европе и совершил в трудных условиях поездку на о. Сахалин.

Постоянная жизнь в провинции, верил Чехов, для писателя — гибель. В провинциальном быте слишком много неподвижности, затхлости и мешанства, которое, как болото, засасывает пошлостью не только тело, но и ум и душу человека.

Одной из главнейших потребностей для развития таланта считал Чехов постоянный и упорный труд. Враг «многословия» был убежденным сторонником «многоописания». Еще в 1887 году Чехов предупреждает Н. М. Ежова: — «Вы дурно

делаете, что ленитесь и мало пишете... Если теперь не будете приучать свою руку и свой мозг к дисциплине и форсированному маршу, если не будете спешить и подстегивать себя, то через 3-4 года будет уже поздно... При скудной и робкой нерешительной работе вы дождетесь кукиша с маслом, т. е. испишитесь не писавши».

Приблизительно через 6 лет он повторяет ему же тот же совет: — «...скудная производительность... истощает Вас, так как без постоянного практического упражнения невозможно избежать регресса... пишите по 5-10 часов в сутки... Многописание великая, спасательная штука».

О своем собственном таланте Чехов говорил, по выражению Горького, как то особо «скромно и целомудренно». Он считал себя исключительно беллетристом и писать в журналах о чем либо другом наотрез отказывался. — (Пишу я только беллетристику, все остальное чуждо, или недоступно мне). — «Вы хотите, чтобы я написал рецензию. Отродясь, батенька, не писал рецензий. Для этого надо иметь особый слог»).

Чехов однако был большим мастером писания писем. Из писем его близким друзьям, со держащих искренние взгляды, высказанные без опасения кого-нибудь обидеть, мы можем выбрать мнения Чехова о современной ему литературе. В письме к Суворину в 1894 году он весьма метко охарактеризовал творчество писателя Баранцевича (иначе даже и Суворину он называл Баранцевича просто писателем Н.): «Иногда бывает, идешь мимо буфета 3 класса, видишь холодную, давно жареную рыбу, и равнодушно думаешь: кому нужна эта неаппетитная рыба? Между тем, несомненно, рыба эта нужна и ее едят, и есть люди, которые находят ее вкусной. То

же самое можно сказать о произведениях Н. Это — буржуазный писатель, пишущий для чистой публики, ездившей в 3 классе. Для этой публики Толстой и Тургенев слишком роскошны, аристократичны, немножко чужды и неудобоваримы. Публика, которая с наслаждением ест солонину с хреном и не признает артишоков и спаржи».

Толстого Чехов чуть ли не боготворил, как великого художника слова, но и о нем сказал он слово свое собственное, правдивое: — «Я... в один присест прочел «Воскресение». Все, кроме отношений Нехлюдова к Катюше, довольно неясных и сочиненных, — все поразило меня в этом романе силой и богатством, и широтой, и неискренностью человека, который боится смерти, не хочет сознаться в этом и цепляется за тексты из Священного Писания».

Об Андрееве Чехов высказался так: — «В Андрееве нет простоты, и талант его напоминает пенные искусственные соловья. А вот Скиталец-воробей, но зато живой, настоящий воробей».

В М. Горьком Чехов признавал огромный талант. Он писал о нем Киппер: «А. М. порядочный и интеллигентный и добрый. Одно только в нем, или вернее на нем, нескладно — это его рубашка. Не могу к ней привыкнуть как к камергерскому мундиру».

К декадансам Чехов относился вполне отрицательно. Их вычурность, манерность, туманность была для него неприемлема: он называл их «крякляками, неискренними, позорителями, иностранными писателями». — «Ни к селу ни к городу они русской литературе. Ни будущего у них нет, ни прошлого... Какие-то висающие в воздухе люди, эти российские Метерлиники. Но они скоро пропадут, перестанут работать».

Для современности творчество Чехова и его взгляды дадут еще много нового и интересного материала.

Е. Грот